

ЖИВОПИСЬ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ. Творчество Виктора Калинина

Виктор Калинин владеет неповторимым живописным языком, на выставках его письмо узнаешь издалека. На картинах художника – мятеж красок и рассекающих их линий. Эта «сплавленная фрагментарность» образа, своеобразная коллажность, мозаичность цветоналожения стали фирменным знаком В.Калинина. Возможно, «Портрет Воллара» Пикассо или лики Врубелевских ангелов и демонов – прародители стиля нашего автора. Живописное изобилие в сочетании с подвижной композицией порождает певучесть его картин. Насыщенный фон, где борются вертикальные, горизонтальные, диагональные мазки, выразительные цветовые контрасты – всё это создает ощущение визуальной напряженности, упругой динамики холста. Пространство живописи дробится, но одновременно – и сохраняет единство. В результате в картине возникает удивительная целостность, не уничтожающая «пазлов» своей структуры, добивающаяся их сложной самоорганизации.

Из этого столпотворения красок, борения желтого с черным, синего с коричневым вдруг складываются миражи образа. Художник умеет вовремя остановиться, что порождает эффект «открытой формы», дает возможность родившемуся образу остаться живым, мятущимся, сохранить внутреннюю энергию. Краски остаются играть между собой, перекликаться, теснить, наплывать, сползать, разбухать, озарять, оттенять подвижную разноплановость изображения. Ощущение открытости картины обращает линии восприятия в бесконечность – а что может быть ценнее для произведения искусства, чем его неисчерпаемость!

Последняя выставка художника с большим успехом прошла в феврале 2012 года в Центральном доме художника. Представленные на ней пейзажи наделены качествами символизации, обобщения и одновременно – очень красивы, чувственно притягательны. Они являют чудо открытия нашего мира как незнакомого, потенцирующего всю мощь

первозданной силы земли, ослепляюще колоритной, высвобождающей могучие дремлющие стихии («Дорога в Беловодье», «Ледник», «Овраг», «Ледоход», «Мост», «Карьер I»). В этих работах восхищает маэстрия художника, непредсказуемый и парадоксальный артистизм его кисти, своенравный и бушующий мазок, попадающий точно в цель. Порою авторская маэстрия превращается в вихрь дионисийства: ликуют краски в картинах «Танец в Городце», «Шествие», «Красный берег», «Столп». Вместе с тем, сколь бы ни были прихотливы живописные фантазии В.Калинина – они никогда не превращаются в самодовлеющую декоративность. Напротив, сильный эмоциональный удар его холстов побуждает зрителя к метафизическим размышлениям. Наш мир серьезен, суров, печален; и одновременно он – цветущий, звенящий, поющий, мерцающий сполохами огней, неисчерпаемый в своих витальных порывах. Сильный элемент символизации переводит зримые образы в надмирный, надбытовой масштаб. Философическая приподнятость над суетным миром давно стала внутренним свойством картин В.Калинина.

Отдельно хочется сказать о портретах, представленных на выставке 2012 года. Модели у художника – тонкие, ранимые, задумчивые, отрешенные. Выражение лиц смиренное, обращенное внутрь себя, словно перед исповедью. Модели открывают художнику свои тайны, и он бережно охраняет их уединение, их боль и тревогу. В «Собеседнице», «Собеседнице – I» захватывает сила человеческого *воления*, насыщенность внутреннего состояния, невыразимого обычной речью. Косые ракурсы, накренные композиции портретов дают ощущение зыбкости, неустойчивости бытия. Беспокойный мазок В.Калинина, сгущенность цвета, контрастов делают краски «самоговорящими», тонко выявляют состояния человека в момент *вопросания*. Дополнительная заостренность смысла в ряде портретов достигается интересным приемом художника: сложно организованным соперничеством между цвето-световой композицией картины и рассекающей её графической конструкцией («Персонаж из толпы – I», «Прохожий», «Собеседник – V», «Юноша», «Встречающие – II»). Всегда по-особому работает и фон портретов, на котором разворачивается собственная драматургия, усиливающая выразительность центрального образа. При всей экзистенциальной сосредоточенности, самопогруженности моделей их портреты не мрачны. Они хранят тепло авторской сопричастности, исполнены рафинированной эстетики изображения, удивительного магнетизма, не отпускающего зрителя. Нежные сочетания золотистого с пепельным, взаимопереходы алых, изумрудных,

черных тонов – всем этим великолепием автор утверждает свое мировидение, задает системы новой оптики, новой меры художественности.

Следует особо отметить: способность В.Калинина работать на границе миметических и абстрактных форм можно оценить как чрезвычайно плодотворную тенденцию, свойственную выдающимся мастерам современной мировой живописи. Это прием я обозначил бы как «мягкое распредмечивание» картины, когда узнаваемые образы модифицируются в выразительные силуэты. А силуэты – также претерпевают сложную транскрипцию, превращаясь в цветные пятна, контуры, блики. Итоговое изображение рождается как «извлечение из натуры», ее возгонка, как процесс «испарения» материальных форм, совершенный энергией зрительного сдвига, перефокусировки глаза. Возникает как бы промежуточное состояние между художественной миметичностью и экспрессивной абстракцией. Пространство холста искусно насыщается переплетением цветных и пластических знаков: при внимательном всматривании в, казалось бы, абстрактной картине начинает проявляться *изобразительная* структура. Такие произведения, конечно же, требуют от зрителя «насмотренности» глаза, богатой ассоциативности, воображения, сотворческого участия в игре и замысловатых переходах формы и «метаформы».

Есть какой-то высший строй, определяющий ритмику и своеобразную гармонию картин Виктора Калинина. Его письмо – это демиургическое воздвижение живописи: решительное, волевое, отмеченное посылом большой внутренней убежденности.

Напечатано: журнал «Диалог искусств». 2012. №6.

